

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.955+159.954

М. В. Осорина

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА КАК ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Данная статья посвящена обсуждению того, является ли понятие ментального пространства удачным теоретическим конструктом когнитивной лингвистики или оно отражает действительно существующие психические феномены, которые можно наблюдать и изучать психологическими методами. На основе проведенного автором теоретико-методологического анализа утверждается, что ментальное пространство обладает онтологическим статусом. Оно является продуктом психической деятельности, имеет эмпирические характеристики, общие для всех видов образных ментальных репрезентаций, и занимает определенное место в их ряду. Показано, что способность к созданию ментальных пространств как рабочего поля мысли имеет свою онтогенетическую историю. Библиогр. 31 назв.

Ключевые слова: ментальное пространство, психический образ, локализация, фантазирование с опорой на объект.

M. V. Osorina

MENTAL SPACES AS MENTAL REALITY

Two main questions are discussed in the article. First, if we can find an appropriate place for a *mental space* concept in the system of basic psychological concepts and use them for theoretical interpretation of its meaning. Second, if mental spaces have the same essential marks of existence, which are viewed as such in cases of mental phenomena which are already described. Also a problem of mental spaces' ontogenetic evolution is discussed. Refs 31.

Keywords: mental space, mental image, localization, fantasizing rested on the object.

Введение

Термин «ментальное пространство» сейчас широко используется в разных сферах науки и практики. Он появился в 1980-е годы, однако до сих пор неясно — обозначает ли он некую «фиктивную сущность», которая создается в науке для ум-

Осорина Мария Владимировна — канд. психол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; maria_osorina@mail.ru

Osorina Maria V. — PhD, Associate Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; maria_osorina@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

ственного «опредмечивания» гипотетических теоретических конструкторов [1], или за ним стоит действительно существующее и тогда — потенциально наблюдаемое, психическое явление, которое может быть исследовано психологическими методами. В данной статье сделана попытка ответить на вопрос, имеют ли ментальные пространства онтологический статус, то есть существуют ли они как элементы психической реальности. И в науке, и в быту обычно присутствуют системы устойчивых, привычных и достаточно согласованных представлений о реальности, в соответствии с которыми люди данной эпохи и данной культуры склонны опознавать нечто как существующее и мыслить об этом [2, с. 170]. Поэтому нам желательно также ответить и на следующие вопросы:

- можно ли найти понятию «ментальное пространство» соответствующее место в системе базовых общепсихологических понятий и использовать их для теоретической интерпретации подразумеваемого за ним содержания;
- обладают ли ментальные пространства теми же основными признаками существования, что и уже известные психические явления.

Ментальное пространство как понятие когнитивной лингвистики

Как известно, термин «ментальное пространство» (*Mental Space*), а также теория ментальных пространств (*Mental Space Theory — MST*) были предложены в 1980-е годы Ж. Фоконье (*Gilles Fauconnier*) [3]. Позднее MST была уточнена и дополнена теорией концептуальной интеграции (*Conceptual Integration Theory — CIT*), или теорией блендинга (*Blending Theory — BT*), которая была сформулирована Ж. Фоконье совместно с М. Тернером в книге «*The Way We Think*» [4].

Ж. Фоконье, будучи когнитивным лингвистом, занимался проблемами того, как люди понимают то, что им говорят, — то есть проблемами лингвистической семантики.

По мнению Фоконье, в процессе беседы или чтения человек создает в своем уме ментальные пространства, которые служат ему чем-то вроде индивидуальных «контейнеров» для временного размещения обрабатываемой им информации, полученной от партнера. Эти ментальные пространства представляют собой постоянно модифицируемые когнитивные конструкторы, которые строятся в режиме реального времени в ходе дискурсивной деятельности и хранятся в оперативной памяти участников диалога. Создание ментальных пространств является *средством*, обеспечивающим интрапсихический процесс построения значения. Сам Фоконье в 1994 г. образно назвал ментальные пространства областями «закулисного познания» [5], психическими конструкторами, которые обычно создаются на основе более общих сценариев. Это мгновенно возникающие по ходу течения речи собеседника и так же мгновенно трансформирующиеся умственные построения потенциальных реальностей, которые создает слушатель, воспринимающий сказанное. Ж. Фоконье как лингвист представлял теорию ментальных пространств прежде всего как раскрывающую процесс создания слушателем референциальных структур, опираясь на которые он осмысливает речь партнера. Способность человека ограничить и правильно выстроить пространство референций предопределяет содержание того значения, которое будет им создано в этих рамках и обуславливает дальнейший процесс конструирования смысла.

По Ж. Фоконье, в ментальных пространствах размещаются «элементы», которые представляют собой концептуальные целостности. Эти элементы ментальных пространств возникают в ответ на использование в речи собеседника имен, существительных и описаний чего-то (напр., Урсула; ЮНЕСКО; Смит; миллионер; тот, кто лезет во все щели; и т. п.). Сами же ментальные пространства начинают строиться у слушающего под воздействием использования говорящим определенных слов и словосочетаний, называемых Фоконье «построителями пространств» (*space-builders*), или особых «пространственных триггеров» (*space-triggers*). В качестве таковых могут выступать обстоятельства времени и места, предлоги и приставки, грамматические формы глаголов, вводные слова, вопросительные конструкции и т. п., которые присутствуют в речи говорящего. В соответствии с теоретическими представлениями Ж. Фоконье, эти пространственные триггеры инициируют появление базового пространства и соответствующего ему фокусного пространства, которое появляется и перестраивается в процессе беседы, репрезентируя различные когнитивные домены — отдельные информационные области, содержательно относящиеся к обсуждаемой тематике. Основная функция ментальных пространств — временно сохранять релевантную для субъекта информацию, а также результаты ее преобразований в процессе понимания сказанного собеседником или прочитанного самим человеком. Причем информация представлена в них очень избирательно, скупо, намеком, достаточным для воспринимающего субъекта, который ее обрабатывает. Отдельные ментальные репрезентации только частично и схематически отображают некие сущности и их отношения в рамках определенного сценария и в тех аспектах, как их воспринимает, воображает, помнит или каким-то другим образом понимает субъект, создающий эти ментальные репрезентации. Ментальные пространства динамичны и изменчивы, поэтому *неустойчивы*. Они скорее *частичны*, чем целостны. Их невозможно описать в терминах соответствия внешней реальности, так как они *не являются* ее психическими *подобиями*. Принципиально важно то, что ментальные пространства являются умственно создаваемыми построениями, предназначенными не для отображения реального мира. Ментальные пространства создаются субъектом для самого себя как средство осуществления внутренней умственной работы.

Ж. Фоконье вначале рассматривал их прежде всего как психический механизм обеспечения адекватного понимания сказанного или прочитанного. Однако, будучи когнитивным лингвистом, Фоконье прежде всего направлял свое внимание на то, каким образом **внешний мир** все-таки может конструктивно влиять на построение ментальных пространств участников диалога. Ведь для того, чтобы собеседники пришли к каким-либо выводам, а тем более к общему решению, абсолютно необходима хотя бы некоторая адекватность понимания высказываний партнера или содержания письменного текста.

Ответ Фоконье находит в двух источниках. Во-первых, в особенностях пространственной организации того трехмерного мира, в котором мы все живем и имеем опыт реальных пространственных перемещений. Они служат нам образцом, на который можно опираться и использовать для символического отображения отношений, моделируемых в ментальном пространстве. То есть для построения ментального пространства используется «пространственный язык», заимствованный из опыта общения с пространством реальным: так внешнее пространство детерминирует построение пространства интрапсихического.

Во-вторых, структурирование ментального пространства, создаваемого в психическом мире конкретного человека–слушателя, воспринимающего речь собеседника, обусловлено особенностями организации естественного словесного языка и построения речевого высказывания. В частности, они всегда несут в себе опробованную веками, продуманную многими сотнями поколений носителей каждого языка программу перевода грамматических конструкций и управляющих слов на пространственный язык интрапсихических репрезентаций слушателя или читателя. Если говорящий и слушатель являются носителями одного и того же языка, то структура речевого высказывания говорящего **заставляет** слушателя совершенно определенным образом пространственно реконструировать содержание воспринятой речи в соответствии с использованными говорящим словесными «построителями пространства». По Фоконье, результаты таких реконструкций в психическом мире слушателя как раз и предстанут для него в виде подвижных ментальных пространств, быстро наполняющихся влияющими друг на друга, постоянно трансформирующимися умственными образами, гибко следующими за развертыванием речи партнера. Без этого содержание речи правильно понято не будет. Так естественный, то есть словесный, язык, принадлежащий внешнему миру и служащий посредником между людьми, детерминирует построение ментального пространства, принадлежащего психическому миру субъекта. Так внешний мир продолжает оказывать управляющее воздействие на события, создаваемые в мире внутреннем, психическом.

В целом можно сказать, что понятие ментального пространства, введенное Фоконье, оказалось очень удачным: оно прижилось в научном языке разных, смежных с лингвистикой областей знания, стало активно использоваться, разрабатываться и содержательно расширяться. Термины «ментальное пространство» и «блендинг» сейчас употребляют представители всех областей филологической науки, философы и культурологи, психологи и педагоги, даже представители рекламного бизнеса. Это говорит о том, что Фоконье вместе со своими соавторами смог предложить набор идей и относительно простых схем, которые оказались близки, понятны и достаточно хорошо приложимы к объяснению широкого круга разнородных внешне явлений. Объединяющим их началом являются особенности психической организации человека — участника интерсубъективного дискурса с людьми и созданными ими текстами. Человека с определенным образом организованным умом, позволяющим ему впускать в себя, осваивать и использовать воспринятые потоки информации. Схематическую организацию этого процесса и описал Фоконье. Несомненно, что, создавая теорию существования ментальных пространств и раскрывая их особенности, он не только проявил замечательную интеллектуальную и научную интуицию, но кроме того уловил нечто тонкое и глубинно близкое всем людям. В идее ментального пространства для человека присутствует что-то, сообщающее о наличии у каждого заповедной мастерской его ума, где создаются его продукты, формируются мысли, — мастерской, недоступной для посторонних, но всегда находящейся под рукой у ее хозяина и полной почти магических возможностей, распоряжаться которыми может только он сам.

Возможно, относительная легкость, с которой понятие ментального пространства с подачи Фоконье было воспринято научным сообществом, связана также и с лавинообразной компьютеризацией мира, как раз начавшейся в 1980-е годы.

Множеству пользователей стали близки способы визуализации, используемые на экране компьютера: а они напоминают (потому что учитывают) особенности об-разной организации ментальных пространств человека, для которого и было создано это интеллектуальное орудие труда.

Книги и статьи Ж. Фоконье сделали его одним из самых известных когни-тивных лингвистов, породили настоящую моду на его идеи и множество последователей, которые принимают его мнение как авторитетную данность. Они используют теорию ментальных пространств и теорию концептуальной интеграции (блендинг), прилагая их к решению широчайшего круга научных и практических задач. Это проблема понимания шуток и метафор, которой много занимался и сам Фоконье вместе с Тернером [6], и анализ символического языка математики [7], и теоретический и практический анализ разных видов коммуникации и дискурса [8], например сторон, участвующих в судебных прениях [9]. Его идеи вдохновляют исследования человеческой креативности в ее разных аспектах [10]. К ним положи-тельно относятся и представители нейронауки.

Теория Фоконье многообразно используется в педагогической практике, а так-же для анализа структуры художественных текстов разных видов и эпох и решения необычных лингвистических проблем, относящихся к смежным дисциплинам [11]. Ее применяют для создания и экспертного анализа рекламной продукции и для многого другого.

Репрезентативный список статей, отражающих все эти направления приложе-ния идей Фоконье, можно найти на сайте его основного соавтора — М. Тернера [12].

Однако теория Фоконье имеет и очевидные слабые места. Поскольку она соз-дана лингвистом, с точки зрения философа ей не хватает доказательности, а с точ-ки зрения психолога — психологичности.

Философ В. В. Глебкин — автор подробного аналитического разбора теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера и теории ментальных про-странств, лежащей в ее основе — отмечает, что жизненные примеры, которые при-водит Фоконье, являются яркими, но не всегда логически точными *иллюстрациями* его теоретических положений и легко могут быть истолкованы иначе. В. В. Глебкин также четко показал, что процедура концептуальной интеграции в большинстве случаев ведет не к порождению нового знания, как утверждают авторы теории, а к адаптации уже существующего знания к мировосприятию рядового носителя языка и культуры [13].

Если читать работы Фоконье глазами психолога, то заметно, что он создает теоретические схемы того, как **должна** работать психика и что **должно** происхо-дить в ментальных пространствах. Однако его теоретическим построениям не хват-ает реальной жизненности. Описание содержательного наполнения ментальных пространств у Фоконье лишено психологической достоверности в том плане, что является результатом формального умозрения, подкрепленного прозорливыми наблюдениями, но не результатом научно-психологического исследования. Кро-ме того, Фоконье в большей степени делает акцент на обсуждении тех внешних по отношению к индивидуальной психике средств, которые помогают ей создать адекватную ментальную реконструкцию и репрезентацию того, что человеку было словесно сообщено. Однако гораздо менее проявлена у Фоконье творческая когни-тивная активность, происходящая в ментальной сфере самого носителя психики,

который всегда не просто понимает нечто ему предъявленное, а понимает это *по-своему и для чего-то*, несмотря на все внешние указания.

Конечно, нельзя требовать от Фоконье разработки того, что выходит за рамки его профессиональной области — лингвистики. В целом можно быть ему благодарными за то, что он дал мощный толчок к размышлению и организации уже собственно психологических исследований. Возможно, они позволят изучить то, что именно и как происходит в ментальной сфере человека, когда он в режиме реального времени переводит воспринятую извне информацию на свой собственный образно-пространственный язык, являющийся «родным» для его психики, и использует эту информацию для решения своих задач. Ж. Фоконье построил когнитивно-лингвистический вариант формальной модели, описывающей предполагаемые события, которые *должны* происходить в психическом пространстве человека, но недоступны для непосредственного наблюдения со стороны и только частично могут быть осознаваемы самим субъектом — носителем и хозяином собственной психики. Чтобы увеличить психологический вклад в понимание природы и функционирования того, что мы сейчас называем ментальными пространствами, психологам предстоит снова и снова пытаться своими средствами исследовать психические события, происходящие в процессе интеллектуальной деятельности.

Термин «ментальные пространства» можно считать очень удачным для психологии. Обозначаемое им понятие оказалось достаточно емким и удобным для определения комплекса тех психических феноменов, которые под разными названиями давно обсуждались в психологической науке, — это понятие действительно может играть для них роль контейнера. Именно этого термина, конкретизирующего излишне абстрактные рассуждения, но при этом и достаточного по уровню обобщенности, не хватало, на наш взгляд, психологам, занимавшимся в 1960–70-е годы проблемами соотношения образного и словесного языков мышления. Поэтому далеко не случайно Фоконье ввел понятие ментальных пространств именно в середине 1980-х годов.

Ментальное пространство в системе общенаучных и психологических понятий

На наш взгляд, понятие *ментального пространства* (далее — МП) как теоретический конструкт является более широким и емким, чем предполагал его автор, и требует тщательного и более глубокого философского и психологического осмысления. Попробуем сделать шаг в этом направлении. Сначала рассмотрим МП как частный вид пространств в рамках общенаучных представлений о том, что такое пространство, а затем рассмотрим МП в сравнении с разными видами пространств, которые концептуализированы в психологии.

Как пишет Р.Я. Штейнман, «исторически понятие пространства возникло как обобщение понятия места, которое включает в себя как представление о положении какого-либо тела относительно других тел, так и представление о протяженности тела, его размере» [14, с. 25].

В соответствии с теми содержательными характеристиками, которые Фоконье придал МП, оно является «*относительным пространством*», по терминологии Лейбница. Построение такого пространства отражает динамическую картину

устройства мира. По Лейбницу, *пространство* — это порядок взаимного расположения множества сосуществующих в нем тел, а *время* — порядок сменяющих друг друга явлений или состояний тел, отражающий их причинно-следственную связь. Используя современную терминологию, подобное пространство можно назвать хронотопом, то есть целостным пространственно-временным единством, что по определению, данному МП Фоконье, с нашей точки зрения, должно являться важнейшим качеством МП. Только в отличие от реального пространства вместо физических тел в МП появляются, сосуществуют, перестраиваются и исчезают *ментальные объекты* и течет *психическое время*.

Существенной добавкой к теоретическим представлениям о МП как особом виде пространства становятся идеи Н. И. Лобачевского, создателя неевклидовой геометрии. По Лобачевскому, геометрические свойства тел являются наиболее общими их свойствами и определяются *природой сил, формирующих эти тела*. В соответствии с различным характером действия того или иного класса сил возможны различные закономерности построения пространства и соответственно разные геометрии. При этом различные геометрии, построение которых теоретически возможно, не являются независимыми. Одна из них более универсальная, общая, а другие являются ее частными случаями.

Если рассматривать МП как частный вид психических пространственных структур, то его исходной, универсальной геометрией должна быть евклидова геометрия физического пространства, в котором люди существуют и движутся как физические тела, но при этом еще и живые, чувствующие и думающие. Психология развития утверждает, что разнообразные виды и формы пространственных представлений людей имеют своим общим и главным источником *опыт телесно-двигательного взаимодействия с объектами окружающего мира*, накапливаемый с самого раннего детства. Поэтому все виды ментальных репрезентаций, где используются пространственно-временные формы структурирования информации (*аналоговые*), «скроены» по лекалам (схемам, сценариям) двигательного опыта. Ж. Пиаже еще в середине XX в. убедительно показал это на примере анализа сенсорных стадий развития детского интеллекта до полутора лет [15].

Базис в виде структурированного двигательно-пространственного опыта лежит в основе многоэтажной иерархии человеческого интеллекта, а принципы организации этого опыта используются для построения всех видов психических структур. Поэтому анализ когнитивного состава этих структур, как пишет М. А. Холодная, обнаруживает там присутствие не только психического пространства, но и психического времени и психической энергии, «поскольку особенности пространственной организации психической структуры связаны с ее динамической (временной) разверткой и с ее энергетическим ресурсом» [16, с. 178]. Представляется возможным опереться на универсальные принципы построения геометрий, уже известных науке, для исследования функциональной геометрии ментальных пространств, являющейся крайне существенной для построения «геометрии человеческой мысли». А особенно интересно выяснить, как советовал Лобачевский, *природу сил, формирующих эту геометрию*. Возможно, это утверждение покажется метафорическим сравнением, фигурой речи. Однако вопрос о функциональной геометрии психического образа (как образа восприятия, так и образов представлений) был поставлен в российской психологии еще в 1950-е годы в научной школе

Б. Г. Ананьева и особенно плодотворно разработан его учеником — Л. М. Веккером [17–20].

Интересно, что вначале математики считали геометрию Лобачевского «воображаемой», не имеющей отношения к пространству реального мира. Но оказалось, что если расширить наше представление о пространстве до мегаразмеров и выйти за пределы нашего домашнего, евклидова пространства, то геометрия Лобачевского описывает реальность.

Работы Б. Римана, создателя *теории многомерных пространств*, а также открытие М. Фарадеем электромагнитного поля и описание его основных закономерностей в уравнениях Дж. Максвелла подготовили революцию в мышлении ученых второй половины XIX в. В физическую картину мира вошла концепция *поля* как особой формы структурирования материи, обладающей огромным количеством степеней свободы и предшествующей появлению более косных пространственных структур. А в XX в. понятие *поля* уже устойчиво вошло в систему психологических понятий: поле зрения, моторное поле, теория поля К. Левина и т. п.

По функциональному предназначению МП можно назвать *рабочим полем* мыслительной деятельности человека. Это *оперативное пространство мыслительной работы*, в котором актуализируются, преобразуются, взаимодействуют, сменяют друг друга или выстраиваются в организованные совокупности *операнды мысли* — представленные в виде ментальных репрезентаций разного типа *психические объекты*, которыми оперирует мышление. В этом плане ментальное пространство можно назвать и силовым полем, поскольку в нем разными способами совершаются мыслительные преобразования объектов мысли.

Исходя из определения МП, данного Фоконье, можно предполагать, что функциональная геометрия МП позволяет носителю психики моделировать с их помощью любые (во всех отношениях) пространства представляемых и воображаемых событий в соответствии с нуждами и желаниями субъекта. Обозначим краткий теоретический перечень потенциальных возможностей МП, основанных на особенностях его функциональной, пространственно-временной геометрии.

- МП представляет собой хронотоп, то есть обладает как минимум четырьмя измерениями — тремя пространственными и временным. В нем используется пространственно-временной способ кодирования и организации когнитивного материала.
- МП позволяет произвольно менять масштаб представляемого: делать маленькое большим, а большое маленьким, уместя в одном и том же пространстве несовместимые с ним по реальным размерам объекты. Также в МП есть возможность по-разному масштабировать сосуществующие объекты, то есть что-то — преувеличивать, а что-то — преуменьшать. Так можно, например, использовать величину ментального объекта как показатель его значимости.
- МП создаются как оперативные средства текущего, то есть происходящего в *реальном времени*, структурирования когнитивного материала в процессе любой умственной работы. Однако скорость происходящих в МП событий не конгруэнтна скорости течения реального, «внешнего» по отношению к МП времени. Скорость *психического времени* может быть гораздо большей или меньшей, она тесно связана с пространственной структурой представ-

ляемых событий, их содержанием, значением и эмоциональным отношением субъекта. Кроме того, в отличие от реального времени *психическое время обратимо* и легко может потечь вспять или остановиться.

- МП ситуативно-функциональны, поэтому «жизнь» их коротка: они создаются и исчезают по ходу дела. Они могут быть актуализированы, использованы, преобразованы, заменены, удалены. Поэтому МП нестабильны, аконстантны, текучи, подвижны, фрагментарны. В связи с высоким уровнем степеней свободы, которыми обладает структура МП, особенно остро возникает проблема метакогнитивной регуляции и других форм управления МП как средств реализации когнитивной и творческой активности. Поскольку известно, что сложность управления любой системой резко возрастает при каждом прибавлении степени ее свободы, то можно предполагать, что способность к созданию МП и управлению ими должна быть обусловлена возрастом субъекта и степенью упорядоченности его когнитивного опыта, сформированностью совокупности когнитивных и метакогнитивных навыков, внутренней культурой умственной работы.
- Формально МП принадлежит к так называемому *внутреннему миру* человека. Оно по-настоящему *приватно*, так как недоступно для внешнего наблюдателя. В принципе МП подчиняется (хотя и слабо осознается) только самому человеку как субъекту умственной деятельности, несмотря на множество чужих указаний, приходящих извне — из мира физической и социальной реальности, в частности, в виде того, что говорят, делают и чему учат субъекта окружающие. В силу того что МП представляет собой зону повышенной субъективности, напрямую недоступную для других людей, оно не получает и непосредственной обратной связи извне, и не бывает предметом обсуждения в бытовых ситуациях. Все функции контроля, регуляции и организации событий в этом умственном заповеднике осуществляет только сам субъект. По этой причине и ряду других можно предполагать, что уровень осознанности в отношении МП со стороны субъекта должен быть на несколько порядков ниже, чем в отношении тех видов деятельности, которые человек осуществляет во внешнем мире. Ввиду вышесказанного можно также предполагать, что в МП могут сосуществовать и взаимодействовать «взрослые» и «детские» ментальные структуры, гетерохронные по своему происхождению.
- Есть теоретические и эмпирические основания полагать, что основную организующую роль в создании и управлении МП играют концептуальные структуры [16], степень сформированности которых отражается в когнитивных событиях, разворачивающихся в этих рабочих пространствах мысли. Кроме того, как показывают наши исследования [21–23], имеют значение уровень и характер социализации ума данной личности, ее интеллектуальные привычки и метакогнитивные навыки, а также личностные блокировки, препятствующие выполнению интеллектуальной работы.

Из вышесказанного следует, что если рассматривать МП как психологический феномен, то оно должно быть одноприродно другим видам ментальных репрезентаций, где используется пространственно-временной способ кодирования, и может быть сопоставлено с ними. В соответствии с современной психологиче-

ской терминологией МП может быть названо одним из частных видов *образных ментальных репрезентаций*. А именно, МП должно относиться к группе так называемых *вторичных образов*, а еще точнее *вторичных образных структур*, куда входят представления памяти и воображения, образы сновидений, образы псевдо- и истинных галлюцинаций [24].

Вторичные образы интенциональны — они создаются и актуализируются в результате внутренней интенции, побуждения со стороны самой психики, для чего не нужно присутствия внешнего стимула, по отношению к которому прежде всего стояла бы задача его адекватного отображения, как это происходит в случае построения сенсорно-перцептивных (*первичных*) образов. Однако именно психологически первичный, сенсорно-перцептивный опыт, накопленный в результате активного, познавательного и двигательного, взаимодействия человека с реальностью предметно-пространственного мира, является той основой, на которой базируются возможности пространственно-временной организации вторичных, то есть *умственных*, образов.

Сенсорно-перцептивные психические образы пространственно «скроены» в соответствии с пространственной организацией предметного мира, поскольку с разной степенью полноты отображают то, что там присутствует. При этом образы ощущений и образы восприятия формируются «в голове» носителя психики, являясь откликом на стимульные воздействия, пришедшие извне на телесные рецепторы субъекта. Однако в результате, в качестве готового психического продукта, они «выкладываются» вовне — туда, откуда пришла стимуляция. Так происходит построение психической картины внешнего мира и собственного тела субъекта, которое тоже принадлежит миру физической реальности. Эта поразительная пространственная разнесенность места, где создается психический образ, и места, куда он проецируется, издавна занимала философов и психологов как парадоксальное явление, характерное только для психических форм отображения физической реальности. Наиболее подробно и глубоко это явление в российской психологии было проанализировано в работах Л. М. Веккера [18–20]. Для обозначения этого феномена он использовал термины *проекция* психического образа или его *предметность*. В московской психологической школе чаще пользуются термином *вынесенность* [25].

Важной научной заслугой Л. М. Веккера является то, что в рамках единой теории психических процессов он разработал общие принципы анализа образных структур. Благодаря этому Веккер смог осуществить сравнительный анализ эмпирических характеристик образов ощущения, восприятия и представления как последовательно усложняющихся *видов* общего для них **рода** психических явлений — *психического образа*¹.

¹ Необходимо отметить, что в российской психологии, как и вообще в русском языке, слово *образ* обозначает родовое понятие по отношению к частным видам образов, которые именуются при помощи словосочетаний, где *образ* является ключевым словом: напр., образ ощущения, образ восприятия, умственный образ и т. п. В американской психологии это не так: слово *image* относится только к категории интенциональных, то есть порождаемых самой психикой, образов, которые мы называем *вторичными*. Из-за этого у американцев наблюдается резкое противопоставление двух разных категорий — сенсорно-перцептивной продукции психики и имажинативной. Их различие затмевает для психологов какое-либо сходство между двумя этими видами психических явлений. Возникает теоретический и методологический разрыв, который в течение многих десятилетий в развитии американской психологии XX в. был неадекватно обострен идеологическим доминиро-

Веккер показал, что у всех частных видов психической образности есть общие родовые черты: пространственно-временные, модальные (качественно-специфичные) и интенсивностные характеристики. Причем базовой, самой общей для них пространственной характеристикой, является *локализация* образа в пространстве внешнего мира, то есть наличие места вовне, куда образ «вынесен» или «спроецирован» [19, с. 13]. Локализация — это единственная пространственная характеристика, которой обладает частичный и мономодальный *образ ощущения*. Локализация как бы указывает субъекту место во внешнем мире, где находится подействовавший на него стимул, но ничего не сообщает о других его пространственных параметрах.

В *образе восприятия*, который не только локализован в перцептивном поле, находящемся во внешнем пространстве, но еще и предметен, отображается также полнота пространственных характеристик самого объекта восприятия — его форма, объем и величина [19, с. 232]. Важно отметить, что предмет восприятия всегда выделен воспринимающим субъектом из контекстуального фона, но никогда не может быть полностью от этого фона отделен. Совершенно иную картину мы обнаруживаем при переходе от восприятия к представлению, где реальный объект отсутствует, а его образ или воссоздается в виде представления памяти, или творчески создается в виде образа воображения.

Пространственные характеристики *образа представления* (изученные в основном на примере представлений памяти) свидетельствуют о заметном увеличении степеней свободы пространственной структуры этого вида образов [19, с. 278–285]. Это легкость взаимообособления фигуры и фона: фигура может быть представленной без фона, как бы в пустом пространстве. Это выпадение абсолютных величин, которое проявляется в виде несохранения числа однородных элементов и в нарушении воспроизведения абсолютных размеров отдельных объектов или их элементов. Это преобразование геометрической формы в топологическую схему, которое выражается в схематизации образа. Это пространственная панорамность, когда целостное воспроизведение пространственной структуры объекта выходит за пределы перцептивного поля, как бы одновременно суммируя информацию, собранную с нескольких точек зрения. В дополнение, представление всегда отличается такими характерными чертами, как неустойчивость и фрагментарность. Его форма колеблется и мерцает. Итак, появление образа представления порождается самой психикой, но не поддерживается объектом, так как его нет в наличии. Поэтому зыбкость его пространственных параметров абсолютно противоположна устойчивости и целостности перцептивного образа, которые обусловлены непрерывностью присутствия воспринимаемого объекта. Метафорически можно сказать, что образ восприятия как бы «оперт» на объект, а образ представления лишен такой предметной опоры. Кроме того, специфичен и характер обобщенности, присущий представлению: оно может быть не только отображением единичного объекта (как это всегда свойственно образу восприятия), но способно являть собой обобщенный «портрет» целого класса объектов. Интересно, что описанные выше

ванием принципов бихевиоризма, крайне отрицательно относившегося ко всему, что называлось *imagery* [26]. Этот разрыв стал медленно и очень постепенно преодолеваться только начиная с 1960-х годов.

характеристики проявляются не только в пространственных параметрах образа представления, но и во временных и модальных.

В целом можно сказать, что «раскачка» пространственно-временных параметров образной структуры представления, а также заметное увеличение ее независимости от любых контекстов предопределяет увеличение ее возможностей легко перестраиваться и не быть скованной ни границами перцептивного поля, ни объемом его содержательного наполнения, ни индивидуальными пространственными параметрами наблюдаемого объекта.

В этом плане крайне интересен вопрос о локализации образа представления. С одной стороны, во внешнем пространстве отсутствует реальный предмет, который бы «закрепил на себе» локализацию образа. С другой стороны, по определению, представление должно быть где-то локализовано, так как локализация — базовая пространственная характеристика любого психического образа. В быту на вопрос, где находятся образы представлений, человек привычно отвечает: в голове, то есть указывает на место его происхождения, но не нахождения. На практике обнаруживается, что образ представления всегда локализуется или произвольно (где удобно), или там, где было указано. Например, если попросить испытуемого представить, что у него во рту лежит ломтик очень кислого и сочного лимона, прыскающего соком, то объективным показателем того, что задание успешно выполнено, будет заметное слюноотделение, о котором удивленно или радостно сообщает человек, локализовавший воображаемый ломтик лимона именно во рту, а не «в голове». Если же испытуемый пытается представить дверь в свою квартиру, лицо своей матери и другие образы, то обычно человек локализует их перед собой на сравнительно небольших расстояниях и достаточно четко жестами и словами способен указать направление, расстояние и примерное место расположения проекции образа представления и его величину. Посторонний наблюдатель может также заметить место сосредоточения взгляда своего собеседника в процессе представления, которое обычно соответствует его словесному отчету. Можно полагать, что такая *внешняя локализация* представления нужна субъекту в качестве места опоры, реперной точки для привязки, удерживания вниманием кратковременной стабилизации мерцающего и легко исчезающего образа. То есть вынесение образа в более широкую, внешнюю по отношению к субъекту, систему координат необходимо для его удержания и управления им. Это подобно тому, как балерина, выполняющая 32 фуэте, то есть вращающаяся вокруг собственной оси, при каждом обороте обязательно зрительно фиксирует вниманием один и тот же хорошо заметный ей неподвижный объект во внешнем пространстве. Она использует этот объект как *независимую от нее опору*, позволяющую ей организовать движения, осуществляемые в системе координат ее собственного тела.

Вынесение продукта психической деятельности — образа представления — *во вне, за пределы эгоцентрической системы координат носителя*, позволяет субъекту одновременно быть по отношению к этому образу и создателем, и наблюдателем, что необходимо для эффективного управления его изменчивой структурой, а также для того, чтобы он мог стать объектом внутреннего созерцания.

С точки зрения содержания вынесенный наружу образ представления является формой объективации того психического материала, который по каким-то причинам в данный момент важен для субъекта. Таким способом определенный объем

этого материала извлекается из непрерывного потока «внутренней», психической жизни субъекта, отчуждается от нее в качестве «отдельности», дистанцируется и противопоставляется исходной целостности в качестве *ментального объекта*, размещенного во внешнем по отношению к субъекту пространстве. Так образ представления получает *место* в реальном мире и приобретает для субъекта онтологический статус: *это есть* — «это» вынесено наружу, превращается в ментальный объект и может быть познаваемо и осознаваемо. Время существования такого ментального объекта очень коротко, и «соткан» он из психической «материи». Поэтому очевидный (в буквальном и переносном смыслах слова) статус существования он имеет лишь на мгновение и только для самого носителя психики. Если человек психически здоров, то у него работает механизм четкого различения того, что существует в физическом мире как косное физическое тело, а что существует только как эфемерный психический продукт — «понарошку», как говорят дети.

Образы представления, как один из видов образного языка, используемого психикой в качестве базового, проходят долгий путь онтогенетического развития. Они приобретают новые языковые функции, начиная постепенно обеспечивать процессы мышления в виде *умственных образов*, которые используются для фиксации ментальных объектов и промежуточных продуктов мышления. В связи с этим они дифференцируются на несколько подвидов, которые, например, хорошо просматриваются при исследовании образной развертки понятий с помощью метода пиктограмм [27].

По характеру содержания умственные образы можно расположить на достаточно длинной оси между полюсами «конкретность» — «абстрактность». Такие образы легко могут быть контейнерами очень разного по степени обобщенности материала, начиная от эйдетически точных репрезентаций конкретных объектов и заканчивая крайне обобщенными схемами, имеющими лаконичную пространственно-временную структуру и лишены признаков модальности в виде качественной, сенсорной специфичности [20]. Поразительная широта возможностей пространственно-временной «упаковки» столь разнородного содержания свидетельствует о наличии особых принципов «укладывания» информации в эти образные контейнеры. Способности и навыки создания информационно емких образных структур формируются очень постепенно на протяжении многих лет жизни человека.

Ж. Пиаже показал, что способность ребенка к целенаправленному образному представлению отсутствующих в данный момент объектов появляется только после включения *символической (семиотической) функции психики*, которое происходит в возрасте около полутора лет и приводит к постепенному формированию комплекса сугубо человеческих видов символической деятельности, основанных на появившейся у ребенка способности к использованию знаков и символов. Это появление всех видов речи, способности воображать и фантазировать, шутить и понимать шутки, овладевать изобразительным рисованием, играть «понарошку», актерствовать и т. п. [15]. Но только после 7–8 лет ребенок начинает овладевать навыками умственной манипуляции образами представлений, (например, умением ротировать образ) [28], а именно эти навыки обеспечивают *техническое осуществление* пространственных трансформаций образного «контейнера», который должен вмещать большие объемы информации.

Такой информационно емкий образный контейнер можно создать только в том случае, если пространственные отношения используются символически и, соответственно, семиотически, то есть как *языковое средство* для передачи другого, иного, чем они сами, содержания. В этом случае *язык пространственных отношений* используется для символизации различных *отношений другого рода*, что характерно, например, при создании образных моделей и схем. Только мышление может осуществлять эти процессы и управлять ими, причем мышление, иерархически организованное, то есть понятийное. Структура умственных образов, участвующих в процессах мышления в качестве языкового средства, у взрослеющего человека становится все сложнее, а их виды и функции — разнообразнее, что резко отличает их от продуктов *детского представления*.

Осуществление семиотической (символической) функции обеспечивается наличием большого количества степеней свободы, которыми потенциально обладает образ представления и которые реализуются потом при манипуляциях с умственными образами. Подвижность их структуры дает возможность использовать ее в качестве знакового средства, при помощи которого иное по отношению к ней содержание может психически «воплощаться», то есть приобретать форму образа. Здесь умственный образ можно сравнить с актером пантомимы, который использует пластику своих движений для изображения разнообразных персонажей, подчеркивая их характерные черты и создавая заостренные и обобщенные образы перед зрителем, который «сквозь актера» видит и опознает изображаемых. Такой мим использует свое тело как знаковую систему, как бы исчезая сам, но через это позволяя явиться на сцену жизни совершенно другому содержанию. Примерно такую же роль исполняют умственные образы разных типов, появляющиеся в качестве компонентов ментального пространства. Также и оно само отличается легкостью переструктурирования и обладает способностью к «пространственной пульсации», позволяющей легко изменять его масштаб [29].

В целом можно сказать, что МП подобно «окну» с подвижными границами, которое ненадолго создается субъектом поверх картины видимого мира как особое пространство, наполняемое появляющимися, взаимодействующими и исчезающими умственными образами, иногда развернутыми, а иногда выглядящими как короткие вспышки, условно обозначающие *нечто (minimum visible)*.

Об онтогенетических предшественниках ментальных пространств

Происходящие в МП события являются пространственно-временной языковой формой опредмечивания и осуществления умственной работы, которая требует наличия сложной системы управления этими процессами. Возникает вопрос о том, как люди учатся созданию и удерживанию таких сложных и подвижных ментальных структур. Если верен принцип интериоризации внешних действий, то должны существовать более инфантильные переходные формы МП, когда субъект еще не умеет полностью делать такую работу «в уме» и проецировать ее продукты в произвольно выбранное место без опоры на реальные объекты.

Действительно, такие переходные формы можно наблюдать — реальных «тренировочных полигонов» по созданию МП у детей и взрослых очень много. В частности, по нашему мнению, это практически все реальные ситуации, где проис-

ходит фантазирование «с опорой на объект», когда при помощи символической переинтерпретации избранного субъектом участка видимого мира он создает двуслойную картину: реально существующие предметы начинают жить для субъекта двойной жизнью. Продолжая воспринимать их как таковые, человек параллельно переименовывает эти объекты и наделяет новым смыслом. Так они, не переставая существовать в качестве физических тел реального мира, превращаются в новые, фантазийные, ментальные объекты, наделяемые другим значением. Например, это ситуация, когда ребенок не хочет есть суп, но вынужден сидеть над тарелкой и развлекает себя тем, что воображает, что это море с затонувшими кораблями, а его ложка — подводная лодка, которая вторгается в этот подводный мир. Тарелка является опорным объектом с четкими границами, в рамках которых удерживается фантазийное ментальное пространство, наложенное поверх. Овощи в супе становятся ментальными объектами, получив новые наименования и значения обломков разных кораблей.

В любой сюжетной символической игре используется тот же принцип: всегда обозначаются границы игрового пространства, существуют опорные игровые предметы, которые одновременно принадлежат двум мирам — реальному и фантазийному.

Дети с нормальным интеллектуальным и личностным развитием открывают для себя психологические возможности фантазирования с опорой на объект в возрасте между двумя и тремя годами. Как показывают наши исследования, у взрослых людей, как и у детей, фантазирование с опорой на объект широко распространено в повседневной жизни. Взрослые любят мысленно заниматься фантазийным дизайном чужих помещений, воображая, как бы следовало их преобразовать, если бы они стали их хозяевами, мысленно переодевают, а иногда и раздевают сидящих напротив пассажиров в вагоне метро, придумывают им фантазийные биографии, воображают самого себя в реально невозможной роли и т. п. [30].

Этот тип индивидуальной ментальной игры, когда все, что имеется во внешнем мире, на время может стать игрушкой и поддержать полет фантазии, активно практикуется людьми всех возрастов и имеет много разнообразных функций. Однако в соответствии с темой данной статьи хочется остановиться на нескольких важных пунктах такой игры.

Во-первых, это ментальная игра, вынесенная во внешний мир, который используется как опора для построения фантазийных образов, «накладываемых» поверх реальных предметов. То есть она обладает знакомым нам существенным признаком — пространственной «разнесенностью» места, где все рождается («в голове»), и места, куда проецируется результат (пространство внешнего мира).

Во-вторых, перефразируя вышесказанное, человек использует определенную зону внешнего пространства в новой функции — как рабочее поле своей фантазии, которая порождается его мышлением и его личностью со всеми ее желаниями и переживаниями. А отсюда уже совсем недалеко до момента, когда не будут нужны опорные объекты. И тогда человек сможет разместить там же, вовне, как привык это делать еще в детстве, созданное им ментальное пространство, наполняемое нужными ему ментальными объектами. Для этого необходимо только удобное место, где будет сосредоточено его внимание.

В-третьих, люди обычно четко осознают границы своего фантазийного «игрового пространства» и могут дать о них словесный отчет, а также о том, какие реальные предметы, присутствующие в нем, получили символические «роли», какие — нет, и какие сугубо фантазийные объекты были в реальность привнесены субъектом.

Опыт проведения постэкспериментального полуструктурированного когнитивного интервью, нацеленного на пошаговую реконструкцию ментальных событий в процессе понимания шуток [22], обобщения пар и триад понятий [31] и др., показал, что многие аспекты «неявного знания» субъекта, касающиеся его рабочих ментальных пространств, могут быть актуализированы, словесно им описаны, невербально показаны, отображены в форме рисунка. Самым существенным моментом, присутствовавшим в самоотчетах *всех* участников этих исследований (а их было больше 150 человек), был факт *вынесенности* их МП, которые всегда были локализованы во внешнем пространстве в качестве особой зоны, наложенной поверх картины видимого мира. Это была зона, куда проецировался опорный образный материал, необходимый для решения поставленных задач, и совершались его преобразования.

Заключение

Проделанный в статье анализ понятия «ментальное пространство» в контексте системы общенаучных и научно-психологических представлений позволяет сделать вывод о том, что это не просто теоретический конструкт. Есть основания полагать, что в нем находит отражение важный феномен психической реальности, который имеет онтогенетическую историю, занимает определенное место в системе психических явлений и может быть исследован психологическими методами.

Литература

1. Огурцов А.П. От методологии истории к метафизике истории // Наука: от методологии к онтологии. М.: ИФ РАН, 2009. С. 168–233.
2. Гутнер Г.Б. Методология, онтология и возвратное движение мысли // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 166–173.
3. Fauconnier G. Mental spaces: roles and strategies. Cambridge: Mass, 1985. 180 p.
4. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2008. 440 p.
5. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
6. Fauconnier G., Turner M. Rethinking Metaphor // Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53–66.
7. Alexander J. Blending in mathematics // Semiotica. 2011. Vol. 2011, N 187. P. 1–48.
8. Mental spaces in discourse and interaction / T.Oakley, A.Hougaard, J.Benjamins (Eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2008. 262 p.
9. Pascual E. Imaginary dialogues: conceptual blending and fictive interaction in criminal courts // LOT. 2002. N 68. 308 p.
10. Turner M. The origin of ideas: Blending, creativity, and the human spark. New York: Oxford University Press, 2014. 312 p.
11. Auchlin A. Prosodic iconicity and experiential blending // Prosody and iconicity. 2013. Vol. 13. P. 1–32.
12. Turner M. Blending and Conceptual Integration // The Blending Website. URL: <http://markturner.org/blending.html> (дата обращения: 01.02.2017).

13. Глебкин В. В. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 161–174.
14. Штейнман Р. Я. Пространство и время. М.: Гос. изд-во физико-математической лит-ры, 1962. 240 с.
15. Пиаже Ж. Психология интеллекта // Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 55–231.
16. Холодная М. А. Особенности организации концептуальных структур: онтологический подход // Когнитивные исследования: сб. научных трудов. Вып. 5 / под ред. А. А. Кибрика, Т. В. Черниговской, А. В. Дубасовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 177–193.
17. Ананьев Б. Г., Веккер Л. М., Ломов Б. Ф., Ярмоленко А. В. Осознание в процессах познания и труда. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 264 с.
18. Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 194 с.
19. Веккер Л. М. Психические процессы: в 3 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1974. Т. 1. 334 с.
20. Веккер Л. М. Психические процессы: в 3 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1976. Т. 2. 342 с.
21. Осорина М. В., Щербакова О. В., Аванесян М. О. Проблемы метакогнитивной регуляции: нормативные требования и непродуктивные паттерны интеллектуальной деятельности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2011. № 2. С. 32–43.
22. Щербакова О. В. Когнитивные механизмы понимания комического: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 29 с.
23. Жукова А. Ю. Социально-психологические детерминанты интеллектуальных привычек студентов: дис. ... маг. психологии. СПб., 2013. 154 с.
24. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Институт психологии РАН, 2007. 512 с.
25. Соколова Е. Е. Введение в психологию: учебник для студ. высш. учеб. заведений // Общая психология: в 7 т. / под ред. Б. С. Братуся. М.: Издательский центр «Академия», 2005. Т. 1. 352 с.
26. Thomas N. “Mental Imagery”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by N. J. T. Thomas. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/mental-imagery/> (дата обращения: 29.01.2017).
27. Осорина М. В. Психодиагностические возможности метода пиктограмм при исследовании мышления // Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л.: Медицина, 1980. С. 69–78.
28. Пиаже Ж., Инельдер Б. Психология ребенка. СПб.: Питер, 2003. 160 с.
29. Осорина М. В. Пространственная пульсация ментального образа и ее проявления в детском фантазировании // Теоретическое наследие Л. М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов: Материалы научного симпозиума, посвященного 90-летию со дня рождения Л. М. Веккера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 110–120.
30. Осорина М. В., Чечик А. А. Исследование повседневного фантазирования взрослых. Ч. II: Результаты апробации методов сбора и обработки эмпирического материала // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. 2013. Вып. 4. С. 14–29.
31. Устинова В. А. Постэкспериментальное интервьюирование в исследованиях понятийного мышления: Выпускная квалификационная работа (на правах рукописи). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 144 с.

Для цитирования: Осорина М. В. Ментальные пространства как психическая реальность // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 1. С. 6–24. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.101.

References

1. Ogurзов А. Р. [From methodology of history to metaphysics of history]. *Nauka: ot metodologii k ontologii* [Science: from methodology to ontology]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Print, 2009, pp. 168–233. (In Russian)
2. Gutner G. B. Metodologija, ontologija i vozvratnoe dvizhenie mysli [Methodology, ontology and recurring movement of thought]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2011, no. 7, pp. 166–173. (In Russian)
3. Fauconnier G. *Mental spaces: roles and strategies*. Cambridge, Mass, 1985. 180 p.
4. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York, Basic Books, 2008. 440 p.
5. Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 190 p.

6. Fauconnier G., Turner M. Rethinking Metaphor. *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 53–66.
7. Alexander J. Blending in mathematics. *Semiotica*, 2011, vol. 2011, no. 187, pp. 1–48.
8. *Mental spaces in discourse and interaction*. Eds. T. Oakley, A. Hougaard, J. Benjamins. Amsterdam; Philadelphia, 2008. 262 p.
9. Pascual E. Imaginary dialogues: conceptual blending and fictive interaction in criminal courts. *LOT*, 2002, no. 68. 308 p.
10. Turner M. *The origin of ideas: Blending, creativity, and the human spark*. New York, Oxford University Press, 2014. 312 p.
11. Auchlin A. Prosodic iconicity and experiential blending. *Prosody and iconicity*, 2013, vol. 13, pp. 1–32.
12. Turner M. Blending and Conceptual Integration. *The Blending Website*. Available at: <http://markturner.org/blending.html> (accessed: 01.02.2017).
13. Glebkin V.V. Teoriia kontseptual'noi integratsii Zh. Fokone i M. Ternera: opyt sistemnogo analiza [Conceptual blending theory of G. Fauconnier and M. Turner: an attempt of system analysis]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 2013, no. 9, pp. 161–174. (In Russian)
14. Steinman R. Y. *Prostranstvo i vremia [Space and Time]*. Moscow, Physics-mathematics Literature State Print, 1962. 240 p. (In Russian)
15. Piaget J. [The Psychology of Intelligence]. *Izbrannyye psikhologicheskie trudy [Selected Psychological Works]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, pp. 55–231. (In Russian)
16. Kholodnaya M.A. [Organization features of conceptual structures: ontological approach]. *Kognitivnye issledovaniia: sb. nauchnykh trudov. Vyp. 5 [Cognitive Studies. Scientific Works Collection. Is. 5]*. Ed. by A.A. Kibrik, T.V. Chernigovskaya, A.V. Dubasova. Moscow, Institute of Psychology RAS Print, 2012, pp. 177–193. (In Russian)
17. Ananyev B.G., Vekker L.M., Lomov B.F., Yarmolenko A.V. *Osiazanie v protsessakh poznaniia i truda [Touch in Cognition and Labour]*. Moscow, PSA of RSFSR, 1959. 264 p. (In Russian)
18. Vekker L.M. *Vospriiatie i osnovy ego modelirovaniia [Perception and basics of its modeling]*. Leningrad, Leningrad University Press, 1965. 194 p. (In Russian)
19. Vekker L.M. *Psikhicheskie protsessy: v 3 t. [Mental processes: in 3 vol]*. Leningrad, Leningrad University Press, 1974, vol. 1. 334 p. (In Russian)
20. Vekker L.M. *Psikhicheskie protsessy: v 3 t. [Mental processes: in 3 vol]*. Leningrad, Leningrad University Press, 1976, vol. 2. 342 p. (In Russian)
21. Osorina M.V., Shcherbakova O.V., Avanesyan M.O. Problemy metakognitivnoi reguliatsii: normativnye trebovaniia i neproduktivnye patterny intellektual'noi deiatel'nosti [Problems of metacognitive regulation: standard requirements and non-productive patterns of intellectual activity]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogic*, 2011, issue 2, pp. 32–43. (In Russian)
22. Shcherbakova O.V. *Kognitivnye mekhanizmy ponimaniia komicheskogo*. Avtoreferat dis. ... kand. psikhol. nauk [Cognitive Mechanisms of Comical Texts' Understanding. Thesis of PhD diss.]. Saint Petersburg, 2009. 29 p. (In Russian)
23. Zhukova A.U. *Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty intellektual'nykh privyчек studentov*. Dis. ... mag. psikhologii [Socio-psychological Determinants of Intellectual Habits in Students. M. A. thesis]. Saint Petersburg, 2013. 154 p. (In Russian)
24. Gostev A.A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza [Psychology of Secondary Image]*. Moscow, Institute of Psychology RAS Print, 2007. 512 p. (In Russian)
25. Sokolova E.E. [Introduction to Psychology: textbook for college and university students]. *Obshchaia psikhologiya: v 7 t. [General Psychology: 7 vol.]*. Ed. by B.S. Bratus'. Moscow, Academia Publ., 2005, vol. 1. 352 p. (In Russian)
26. Thomas N. "Mental Imagery", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed. by N.J.T. Thomas. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/mental-imagery/> (accessed: 29.01.2017).
27. Osorina M.V. [Psychodiagnostic power of pictogram method in thinking process research]. *Diagnostika psikhicheskikh sostoianii v norme i patologii [Diagnostics of Mental States in norm and pathology]*. Leningrad, Medicine, 1980, pp. 69–78. (In Russian)
28. Piaget J., Inhelder B. *Psikhologiya rebenka [The Psychology of The Child]*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2003. 160 p. (In Russian)
29. Osorina M.V. [Space pulsation of mental image and its manifestation in child fantasizing]. *Teoreticheskoe nasledie L. M. Vekkera: na puti k edinoi teorii psikhicheskikh protsessov*. Materialy nauchnogo simpoziuma, posviashchennogo 90-letiiu so dnia rozhdeniia L.M. Vekkera [Theoretical legacy of

L. M. Vekker: *on the way to integral theory of mental processes*. Materials of scientific symposium in memory of L. M. Vekker]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2008, pp. 110–120. (In Russian)

30. Osorina M. V., Chechik A. A. Issledovanie povsednevnogo fantazirovaniia vzroslykh. Ch. II: Rezul'taty aprobatsii metodov sbora i obrabotki empiricheskogo materiala [Study of everyday fantasizing in adults. Part II: The results of approbation of methods of gathering and analyzing of empirical data]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2013, issue 4, pp. 14–29. (In Russian)

31. Ustinova V. A. [Postexperimental Interviewing in the Studies of Conceptual Thinking]. *Vypusknaia kvalifikatsionnaia rabota (na pravakh rukopisi) [Final qualifying work]*. Saint Petersburg, St. Petersburg University Press, 2013. 144 p. (In Russian)

For citation: Osorina M. V. Mental Spaces as Mental Reality. *Vestnik SPbSU. Psychology and Education*, 2017, vol. 7. issue 1, pp. 6–24. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.101.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2017 г.
Статья рекомендована в печать 16 марта 2017 г.